

«Я не поэт...»

История семантики поэтического высказывания

© Н. Л. ВАСИЛЬЕВ,

доктор филологических наук

© Д. Н. ЖАТКИН,

доктор филологических наук

В статье рассмотрена история бытования устойчивой формулы «Я не поэт...», ставшей в пушкинскую эпоху важной деталью полемики об общественной значимости поэзии и во многом предвосхитившей появление декларации Н.А. Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Ключевые слова: К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, К.Ф. Рылеев, А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов, А.И. Полежаев, Н.А. Некрасов.

DOI: 10.31857/S013161170003000-9

This article analyzes the history of the origin of the expression «I am no poet...» that at the times of Pushkin grew into the crucial issue in the discussion upon social importance of poetry and that vastly anticipated the emergence of the N.A. Nekrasov's declaration «You can be not a poet, but you should be the citizen».

Keywords: K.N. Batyushkov, P.A. Vyazemsky, K.F. Ryleev, A.S. Pushkin, D.V. Davydov, A.I. Polezhaev, N.A. Nekrasov.

Хорошо известны замечательные, чеканные, полные гражданского пафоса слова К.Ф. Рылеева — из его посвящения к поэме «Войнаровский» (1824), адресованного А.А. Бестужеву:

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:

Зато найдешь живые чувства, —
Я не Поэт, а Гражданин [1].

Однако их предыстория и дальнейшая литературная судьба нуждаются в комментарии, выявляющем любопытные нюансы восприятия этих хрестоматийных строк и значимые для современников подтексты.

В 1866 году, разбирая свои старые записи, П.А. Вяземский обнаружил и опубликовал текст полузабытого им стихотворения:

Что пользы, говорит расчетливый Свиныйн,
Нам кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры древней, иль Афин?
Нет, лучше в Гру́зино пойду путем доходным:
Там кланяясь, могу я выкланяться в чин.
Оставим славы дым поэтам сумасбродным:
Я не поэт, а дворянин.

Комментируя концовку этой эпиграммы, высмеивающей подобострастие перед А.А. Аракчеевым и «меркантильный дух» прежней словесности, Вяземский сообщал читателям: «Последний стих — пародия стиха Рылеева: *Я не поэт, а гражданин*. Пушкин очень смеялся над этим стихом. Несмотря на свой либерализм, он говорил, что если кто пишет стихи, то, прежде всего, должен быть поэтом: если же хочет просто *гражданствовать*, то пиши прозою» [2].

Действительно, 10 августа 1825 г., обращаясь к Вяземскому, А.С. Пушкин шуточно вопрошал: «...да нет ли стихов покойного поэта Вяземского, хоть эпиграмм? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: *Что нужды? говорит расчетливый etc.* <...> Не напечатать ли, сказав: *Нет, я в прихожую пойду путем доходным*, если цензура не пропустит осьмого стиха, так и без него обойдемся: главная прелесть: *Я не поэт, а дворянин!* и еще прелестнее после посвящения “Войнаровского”, на которое мой Дельвиг уморительно сердится» [3. Т. 13. С. 204]. Подчеркивая неприемлемость для классика «декларации приоритета общественной идеи перед поэтической формой», В.Э. Вацура [4] приводит в пример и саркастическое суждение Пушкина в письме к брату Льву от 14 марта 1825 г.: «Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза?» [3. Т. 13. С. 152].

Вернемся, однако, к стихотворению Вяземского. Его эпиграмма, оказывается, была написана задолго до выхода в свет поэмы «Войнаровский» — осенью 1818 г.; и, следовательно, изначально не могла быть связана с текстом Рылеева. Адресатом эпиграммы являлся второстепенный литератор, журналист, издатель П.П. Свиныйн, опубликовавший в «Сыне отечества» в 1818 г. статью «Поездка в Грузино» (имение А.А. Аракчеева в Новгородской губернии. — *Н. В., Д. Ж.*) с лирическим посвящением: «Я весь объехал белый свет: / Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою, — / Дивился многому уму, / Но только в Гру́зине одном / Был счастлив сердцем

и душою, / И сожалел, что — *не поэт*» [5]. Вследствие этого закономерно суждение С.А. Рейсера, отмечавшего, что не Вяземский пародировал Рылеева в своей старой эпиграмме, а наоборот — Рылеев как бы перепевал Вяземского [6].

Несмотря на то, что стихотворение Вяземского не было опубликовано в 1810—1820-х гг. ни под именем автора, ни анонимно, оно распространялось изустно и в списках и даже оценивалось самим Пушкиным как «лучшая эпиграмма» друга, уязвившего расчетливого поэта-дворянина. «Я поэт, у коего не вырвется никогда: “Я не поэт”», — утверждал, используя автоцитату, тот же Вяземский в письме к общему с Пушкиным приятелю А.И. Тургеневу 18 декабря 1820 г. [7].

Заметим, что, по крайней мере, один из современников Вяземского, поэт-декабрист А.И. Одоевский, все же решился на литературный акт отрицания себя как *поэта*, — но по особым художественным соображениям, далеким от политики: «За мотыльком бежит дитя вослед, / А я душой парю за призраком волшебным, / Но вдруг сущность жезлом враждебным / Разрушила мечты — и я уж не поэт! / *Я не поэт!*» (курсив здесь и далее наш. — Н. В., Д. Ж.) — и тщетные желанья / Дух юный отягчили мой!» («Иль, сбросив бремя светских уз...», 1821) [8]. Данное стихотворение — фрагмент письма поэта к его двоюродному брату В.Ф. Одоевскому от 15 октября 1821 г. [9] и едва ли не первый поэтический опыт автора, что важно для понимания лирической рефлексии А.И. Одоевского. Были и позднейшие прецеденты подобного рода, как полупародийные, так и вполне искренние, например: «*Я не поэт* — и, не связанный узами / С музами, / Не обольщаюсь ни лживой, ни правою / Славою. / Родине предан любовью безвестною, / Честною, / Не воспеваю с певцами присяжными, / Важными / Злое и доброе, с равными шансами, / Стансами, / Я положил свое чувство сыновнее / Всё в нее. <...>» (В.С. Курочкин. «Я не поэт — и, не связанный узами...», 1859) [10]; «*Я — не поэт*, но с любовью глубокой / Музе-шалунье, как эхо, служу, / И в деревеньке, и в роще широкой, — / Всюду в природе ее нахожу» (Л.Н. Трефолов. Пляска весны, 1892) [11]; «Увы, того, что было, нет; / Бескрылая, без сил, душа любовь забыла, / Со мною милой нет. *Я — не поэт*. / Восторги гордые молитв и славословий / Игрою грустных грез теперь заменены, / И жребий горести мне выпадает вновь, / Даруя вновь и скорбь, и злые сны» (Ю.А. Сидоров. Муза, 1906—1909) [12].

Еще до Вяземского антитезный зачин «Я не поэт...» использовал К.Н. Батюшков в стихотворении «Меня преследует судьба...», приведенном в его письме к В.Л. Пушкину в марте 1817 г., но ставшем широко известным лишь после публикации в «Московском телеграфе» (1827. № 3):

Меня преследует судьба,
Как будто я талант имею!
Она, известно вам, слепа;

Но я в глаза ей молвить смею:
«Оставь меня, я не поэт,
Я не ученый, не профессор;
Меня в календаре в числе счастливых нет,
Я... отставной ассессор!» [13].

Комментарий автора к тексту стихотворения помогает понять душевное состояние поэта, представлявшего себе, что его творчество не будет интересно потомкам, что оно столь же брэнно, как и он сам: «...ваши внуки не отыщут моего имени в лексиконе славы. Много писал, и теперь, рассматривая старые бумаги, вижу, что написал мало путного. Что в рифмах, если в них мало счастливых, и что в счастливых стихах без счастья! Посудите сами! Живу один в снегах, и долго ль проживу — не знаю» [14].

В противопоставлении поэта-творца отставному ассессору, то есть «прозаическому» чиновнику VIII класса, можно увидеть отдаленную аллюзию на поэзию Я.Б. Княжнина: «Не занимаясь вовек о рангах спором, / Рафа́ел (Рафаэль Санти. — *Н. В., Д. Ж.*) не бывал коллежским ассессо́ром» («Послание к российским питомцам свободных художеств», 1782) [15]. Эти строки Княжнина оказались созвучны и суждениям Вяземского, который, размышляя о том, что благосклонность власть имущих и благоволение Аполлона редко бывают солидарными союзниками поэта, процитировал стихи предшественника в очерке «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» (1817): «...когда можно говорить о качествах души, о домашних добродетелях человека, известного нам по одной его славе, то, умалчивая о чинах его, припомня с Княжনিным, что *Рафаэль не бывал коллежским ассессором*, лучше определим его права не на адрес-календарь, но на любовь граждан, уже платящих дань уважения умственным его способностям» [16].

Последующие употребления формулы «Я не поэт...» в поэзии второй половины 1820-х гг. были, вероятно, свидетельством ее растущей популярности, основанной на ироничной, а иногда эстетически неожиданной игре с «чужим словом». Так, Д.В. Давыдов восклицал: «Я не поэт, я — партизан, казак. / Я иногда бывал на Пинде (место обитания Аполлона и муз в древнегреческой мифологии. — *Н. В., Д. Ж.*), но наскоком / И беззаботно, кое-как / Раскидывал перед Кастальским током / Мой независимый бивак» (Ответ, 1826) [17]. Не успевший в полной мере раскрыться в творческом плане А.П. Крюков (1803—1833) оправдывал своего лирического героя: «Таланта скромный обожатель, / Я не поэт, а подражатель; / Мой не блистателен венок; / Но подражанье — не порок!» (Подражатель, 1828) [18]. Интересно, что лицеист, поэт-декабрист В.К. Кюхельбекер, следивший за литературными новинками в тюремном заточении, отметил 22 декабря 1833 г. в дневнике: «Крюков, без сомнения, подражатель Пушкину, но подражатель не бесталанный» [19].

А.И. Полежаев использовал данное литературное клише как ироническое обоснование не официозного или романтического, а реалистического, «прозаического» отражения кавказских реалий и событий [20]:

...А я, имейте на примете,
Перо туплю не на заказ,
Без подлой лести и прикрас.
Не знаю, строгая цензура
Меня осудит или нет;
Но всё равно — я не поэт,
А лишь его карикатура.
(«Эрпели», 1830) [21]

— что, в общем-то, соответствовало и духу пушкинской поэзии второй половины 1820-х гг., ср., например: «Иные нужны мне картины: / <...> / Теперь мила мне балалайка / Да пьяный топот трепака / Перед порогом кабака. / Мой идеал теперь — хозяйка, / Мои желания — покой, / *Да шей горшок, да сам большой.* // Порой дождливою намедни / Я, завернув на скотный двор... / Тыфу! прозаические бредни, / Фламандской школы пестрый сор! / Таков ли был я, расцветая? / Скажи, Фонтан Бахчисарая!» (Евгений Онегин, Отрывки из Путешествия Онегина) [3. Т. 6. С. 200—201].

Новый импульс внимания к рылеевской формуле «Я не Поэт, а Гражданин!» ощущается с середины 1850-х годов и объясняется либерализацией общественной и литературной жизни после смерти Николая I. Данная строка, легко узнаваемая читателями, была взята, например, в качестве анонимного эпиграфа к «Отрывку из неоконченного собрания сатир» (1855) А.А. Григорьева, вслед за предшественниками провозгласившего необходимость высмеивания общественных пороков, но уже в иных исторических условиях:

Сатиры смелый бич, заброшенный давно,
Валявшийся в пыли, я снова поднимаю:
Поэт я или нет — мне, право, все равно,
Но язвы наших дней я сердцем понимаю [22].

К этому времени относится и самый известный отклик на памятную строку Рылеева — ораторский призыв Н.А. Некрасова в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856), заглавие которого непосредственно указывает на ближайшего предшественника автора по линии *гражданской* поэзии:

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
.....
...Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан [23. Т. 2. С. 10].

Внимание Некрасова к рылеевскому стиху могло быть навеяно четвертой статьей Н.Г. Чернышевского из цикла «Очерки гоголевского периода русской литературы», напечатанной в «Современнике» (1856. № 4), где критик рассуждал о Н.В. Гоголе: «Но ни в ком из наших великих писателей не выражалось так живо и ясно сознание своего патриотического

значения, как в Гоголе. Он прямо себя считал человеком, призванным служить не искусству, а отечеству, он думал о себе: «Я не поэт, я гражданин» [24]. Примечательно, что Некрасов, редактор «Современника», настаивал на публикации данной статьи в переговорах с цензорами [25].

Еще ранее, в стихотворении «Тот не поэт» (1839), Некрасов, как нам представляется, также подразумевает рылеевский поэтический лозунг, хотя и в романтической «редакции», например: «...Кто у одра страдающего брата / Не пролил слез, в ком сострадания нет, / Кто продает себя толпе за злато, / Тот не поэт!» [23. Т. 1. С. 256]. Ср. развитие той же мысли в «Поэте и гражданине»: «[Гражданин] А ты, поэт! избранник неба, / Глашатай истин вековых, / Не верь, что не имущий хлеба / Не стóбит вещих струн твоих!», «Будь гражданин! служа искусству, / Для блага ближнего живи...», «...Поэт клянет или хоть стонет, / А гражданин молчит и клонит / Под иго голову свою» [Там же. Т. 2. С. 9, 11].

После появления стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин» формула «Я не Поэт, а Гражданин» отчасти потеряла прежнюю актуальность, уступив в читательском сознании место новой яркой лирической декларации гражданской миссии поэта. Особенно это касалось шестидесятников, народников и близкого к ним по духу С.Я. Надсона: «Это не песни — это намеки: / Песни невмочь мне сложить; / Некогда мне эти беглые строки / В радугу красок рядить; / Мать умирает, — дитя позабыто, / В рваных лохмотьях оно... / Лишь бы хоть как-нибудь было излито, / Чем многозвучное сердце полно!..» («Это не песни — это намеки...», 1885) [26].

Вместе с тем она могла вызывать и естественный протест своей политической и эстетической прямолинейностью, о чем писал в эмиграции И.А. Бунин: «Я не был правее их [молодых народников] в общем, то есть в своей легкомысленной революционности, в искренней жажде доброго, человеческого, справедливого, но я просто не мог слушать, когда мне, даже шутя (а все-таки, разумеется, наставительно), напоминали: “*Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!*” — когда в меня внедряли эту обязанность, когда мне проповедовали, что весь смысл жизни заключается в “работе на пользу общества”, то есть мужика или рабочего. Я из себя выходил: как, я должен принести себя в жертву какому-нибудь вечно пьяному слесарю или безлошадному Климу...» (Жизнь Арсеньева. Юность, 1927—1933) [27].

В художественной литературе и публицистике советского времени можно обнаружить немногие примеры использования этой некогда знаковой фразы; причем соотносимость с литературной традицией становится менее очевидной, так как чаще речь заходит о пророческом даре поэта или его профессионализме, например: «Нет, я не поэт, я или пророк, / Или только жалкий юродивый, / Что, задрав рубашку, на брюхе ползет / И орет: “Это будет! Это будет сегодня!” / <...> / У поэтов пышные облачения, / А я не поэт — я нищий. / У меня нет даже дерева, / Чтòб сорвать хоть один фиговый листик»

(И.Г. Эренбург. «Нет, я не поэт, я или пророк...», 1918) [28]; «Свой весенний побег / Я засушил меж этажей фолиантов; / *Я не поэт* — я утонченнейший виртуоз, / И расцвеченность первой моей тетради — / Лишь пестрота коллекции марок» (И.Л. Сельвинский. «На заре туманной...» — из поэмы «Записки поэта», 1925) [29].

Однако в пору шестидесятников XX столетия гражданские мотивы Рылеева и Некрасова озвучиваются в новой поэтической «редакции». Это, прежде всего, знаменитая декларация Е.А. Евтушенко во вступлении к поэме «Братская ГЭС» (1965), как бы подытоживающая рассуждения великих предшественников на поприще русской литературы (Молитва перед поэмой, 1964):

Поэт в России — больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.

Поэт в ней — образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него [30].

Первая строка этого обращения к поэтам прошлого (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Пастернак, Есенин, Маяковский), как и некрасовская [31], со временем стала крылатой фразой и, в свою очередь, породила разнообразие, порой шуточные, перепевы: «...так вот театр в России — больше, чем театр. Эта была та ничейная территория, где реализовывались остатки свободы духа...»; «Наконец-то поэт в России не больше, но ровно — поэт»; «Сарай в России больше, чем сарай. В провинции без него не проживешь»; «Кумир в России больше, чем кумир»; «Журнал в России — больше, чем журнал»; «ТВ в России больше, чем ТВ»; «Евтушенко всё же больше, чем поэт» и др. [32].

Другой известный шестидесятник — А.А. Вознесенский справедливо заметил по этому поводу уже в эпоху перестройки, подчеркивая все-таки изначально эстетическую функцию художественного слова: «Бездарные советские поэты и бездарные поэты антисоветские пылко прикрывались... “гражданственностью”. Но дело в том, что истинная гражданская роль поэта заключается в том, чтобы быть прежде всего *поэтом*, витамином духовности. Бесчестно называться поэтом и писать посредственные стихи» [33].

Наконец, относительно недавно рылеевско-некрасовские образы трансформировались в форме пародийного литературного проекта «Гражданин поэт» (Д. Быков, М. Ефремов, А. Васильев), травестирующего известную формулу «Поэт и Гражданин», что тоже естественно, поскольку *высокое* начало рано или поздно подвергается в истории культуры его

профанации, *низменной* карнавальной интерпретации, о чем ярко писал М.М. Бахтин [34].

Таким образом, лирический манифест «Я не поэт...» — со всеми его структурными и смысловыми вариациями, перепевами и зеркальными отражениями — существует и здравствует в отечественной литературе вот уже два столетия, наполняясь конкретным актуальным содержанием в каждую из эпох своего теперь уже почти фразеологического бытования.

Литература

1. Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений / Подгот. текста А.В. Архиповой, В.Г. Базанова, А.Е. Ходорова. Л., 1971. С. 185–186.
2. [Вяземский П.А.] Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. [Ч.] II. Литературные арзамасские шалости // Рус. архив. 1866. № 3. Стб. С. 475.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.—Л., 1937–1949.
4. Вацууро В.Э. Продолжение спора (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // Звезда. 1999. № 6. С. 154.
5. Свиньин П.П. Поездка в Грузино // Сын отечества. 1818. № 39. С. 3.
6. Рейсер С.А. Примечания // Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 577.
7. Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 т. / Издание С.Д. Шереметева; под ред. и с прим. В.И. Саитова. СПб., 1899. Т. 2. С. 121.
8. Одоевский А.И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и прим. М.А. Брикмана. Л., 1958. С. 48.
9. Из переписки князя В.Ф. Одоевского / Сообщил И.А. Бычков // Рус. старина. 1904. Т. 107. № 2. С. 373–374.
10. Поэты «Искры». В 2 т. / Вступ. статьи, сост., подгот. текста и прим. И.Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 1. С. 71–72, 340 (прим.).
11. Трефолев Л.Н. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и прим. И.Г. Айзенштока. Л., 1958. С. 183.
12. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... М., 2011. Кн. 6. С. 336.
13. Батюшков К.Н. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Н.В. Фридмана. М.—Л., 1964. С. 249.
14. Батюшков К.Н. Сочинения. В 3 т. / Издание П.Н. Батюшкова. СПб., 1886. Т. 3. С. 434.
15. Княжнин Я.Б. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Л.И. Кулаковой. Л., 1961. С. 645.
16. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. В 12 т. СПб., 1878. Т. 1. С. 27–28.
17. Давыдов Д.В. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. В.Э. Вацууро. Л., 1984. С. 100.

18. Поэты 1820—1830-х годов. В 2 т. / Вступ. ст. и ред. Л.Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и прим. В.Э. Вацуро. Л., 1972. Т. 1. С. 545—546.
19. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подготовили Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 290.
20. Васильев Н.Л. А.И. Полежаев и русская литература. Саранск, 1992. С. 79—80.
21. Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Н.Ф. Бельчикова; подгот. текста и прим. В.В. Баранова. Л., 1957. С. 256.
22. Григорьев А.А. Избранные произведения / Вступ. ст. П.П. Громова; подгот. текста и прим. Б.О. Костелянца. Л., 1959. С. 143.
23. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Л., 1981—2000.
24. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1947. Т. 3. С. 137.
25. Гаркави А.М. Чернышевский и стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин» // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1968. Вып. 5. С. 54—57.
26. Надсон С.Я. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. Г.А. Бялого; подгот. текста и прим. Ф.И. Шушковой. СПб., 2001. С. 269.
27. Бунин И.А. Собр. соч. В 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 147.
28. Эренбург И.Г. Стихотворения / Сост. Б.М. Сарнова; подгот. текста и прим. Н.Г. Захаренко. Л., 1977. С. 99—100.
29. Сельвинский И.Л. Из пепла, из поэм, из сновидений: Сборник стихотворений / Сост. и вступ. ст. А.М. Ревича. М., 2004. С. 424.
30. Евтушенко Е.А. Избранные произведения. В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 395.
31. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Изд. 4-е. М., 1987. С. 278.
32. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. В 2 т. Магнитогорск; Greifswald, 2008. Т. 2. С. 237.
33. Вознесенский А.А. На виртуальном ветру. М., 1998. С. 462.
34. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Изд. 2-е. М., 1990. С. 9—18.

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
Пензенский государственный технологический университет*